

Александр Алексеевич Богданов

Под ласковым солнцем

Александр Богданов

Под ласковым солнцем

«Public Domain»

1913

Богданов А. А.

Под ласковым солнцем / А. А. Богданов — «Public Domain»,
1913

«Отец Леонид только что проснулся после обеда и благодушно потянулся на постели. Потом встал, подошел к окну, откинул половинки двойных коленкорных занавесок и жадно глотнул свежий воздух широкой и обнаженной волосатой грудью...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Алексеевич Богданов

Под ласковым солнцем

I

Отец Леонид только что проснулся после обеда и благодушно потянулся на постели. Потом встал, подошел к окну, откинул половинки двойных коленкорových занавесок и жадно глотнул свежий воздух широкой и обнаженной волосатой грудью.

Зной, которым за день сыто надышалась земля, уже спадал. Предвечерние тени, прятавшиеся от солнца в кустах, теперь выползали и мягкими полутонами стелились по траве.

С открытой террасы из палисадника доносился звон посуды: пили чай...

Постояв недолго у окна, отец Леонид снова сел на постель, несколько раз во всю комнату позевнул и стал одеваться; обулся в широконосые, подбитые подковами сапоги; надел серые казINETовые шаровары; сложил ровно по углам вдвое сбитое ногами в комок одеяло и перекинул, чтоб проветрить, через подоконник; подпоясался шелковым пояском; оправил космы на голове и по-домашнему, без полукафтання, в одной рубахе с расстегнутым воротом, медлительно пошел на террасу.

Дочь Липа налила ему чай... Матушка хлопотала где-то по хозяйству.

Вышитым чайным полотенцем отец Леонид выгонял мух, налетевших на свежие душистые соты, нарезанные к спасову дню на собственном пчельнике. Мухи отлетали и садились опять густым черным роем на края миски. Видя, что ничего не поделает, отец Леонид зачерпнул большую деревянную ложку меду, накрыл миску полотенцем и приступил к чаю...

Сидели молча... Перед каждым глотком отец Леонид дул в блюдце и смачно обсасывал длинные усы, на которые налипал мед.

Думали о своем. Липа – о том, что вот скоро кончатся каникулы и надо будет ехать в училище; отец Леонид о том, как мудро устроена вселенная. Еще в семинарии, в философском – четвертом – классе он познал теорию Канта о божественной гармонии мира. Тогда он усваивал ее только теоретически. А теперь вот он утверждал ее всей своей жизнью, – радостной, невозмутимой и сытно-счастливой. Удивительная гармония разлита всюду, – зло и страдания – это только темные пятна на общей картине. И как прекрасно идут у него его собственные дела: один сын в академии, другой – священствует в доходном раскольничьем селе, где не грошами, а десятками рублей прихожане откупаются, чтоб не выполнять православных обрядов. Дочь кончает курс в епархиальном, и сам он, надо быть, скоро будет выбран на уездном съезде в благочинные... И кругом все так радостно и разумно наслаждается жизнью, благоухает и зреет под ласковым солнцем. Груши и яблони, посаженные лет десять тому назад, теперь разрослись, раскинули во все стороны кривые плодоносные сучья и пахнут душисто и вкусно... Шмели жужжат около террасы, важно и деловито, как протопресвитеры в бархатных камилавках и желтых ризах во время архиерейской службы... И с полей веет свежими и теплыми, недавно сжатыми и еще не убранными хлебами... Да, целесообразно и прекрасно все вокруг и свидетельствует о божьей благодати. Правда, есть в жизни и зло и страдания. Но прав философ Кант: все это только необходимые тени на общей картине. Где свет, там и тени, – пусть даже лиссабонское землетрясение, о котором писал Кант.

«Надо будет после чая съездить на Амфилоговский участок, посмотреть, кончат ли сегодня рабочие уборку ржи», – подумал отец Леонид.

Кроме церковного надела, он засеивал еще несколько десятин арендуемых вместе с местным ктиторм у купца Амфилогова. На доходы от аренды содержал сына в академии, копил приданое дочери, докладывал в банк шестую тысячу рублей.

– Папаша!.. Данила Семашкин давеча приходил – младенца хоронить, – проговорила Липа, придвигая к отцу третий стакан чаю. – Я сказала, чтоб он принес его в церковь.

Отец Леонид допил чай и неторопливо спросил:

– Велик младенец-то?

– Лет семи, что ль-то!.. Да вон, папаша, кажись, и сам Семашкин идет, – сказала Липа, показывая на дорогу, виднеющуюся за палисадником.

Отец Леонид медленно повернул голову. По направлению от церкви двигался худой и невзрачный мужик в картузе. Несмотря на лето и будний день, он был одет в кафтан, глухо застегнутый на домодельные кожаные пуговицы, черные и кривые, похожие на турецкие бобы.

У калитки палисадника Данила остановился, сунул под мышку смятый картуз и встал, переминаясь и вытирая о траву ноги, хотя грязи нигде не было. Он соображал, идти ли ему прямо, или в обход, в кухню, кругом палисадника...

Отец Леонид милостиво кивнул головой.

– Иди сюда!..

Данила, отряхая лапти и осторожно поднимаясь по ступенькам террасы, подошел к отцу Леониду, сложил горсточкой руки и наклонил голову.

Отец Леонид застегнул ворот рубахи, степенно отодвинул в сторону кистью левой руки широкую с проседью бороду и правой сотворил крестный знак.

– Во имя отца и сына... Ты что?..

– До вашей милости, батюшка... Мальчонка помер у меня!

– Большой?

– Да смотри, уж все восемь годов...

– Когда помер?..

– Нынче ночью... Хоронить принес, батюшка...

– Гм-м... хоронить... – раздумчиво произнес отец Леонид. – Как же так-то?.. Ведь по закону нужно, чтобы три дня!.. А?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.